

КАЖДЫЙ УБИВАЛ

Роман

1. Вероника

Сегодня! Се-го-дня!

Нику будит малиновый звон долгожданного, вымоленного слова-события. Упругая волна возникает внутри тела и, лаская каждую клетку организма, доходит до сознания. Скорее начать жить!

Се-го-дня! Сегодня вечером Олег придет, чтобы остаться. Поужинает, наденет новую пижаму его любимого алого цвета — он же мерзляк, — ляжет сюда, рядом... Олег, красно солнышко...

С открытыми глазами Ника придвигается к стене, освобождая место для него, для будущего мужа, натягивает пуховое одеяло до подбородка, чтобы гимн, который выстукивает ее счастливое сердце, нечаянно не разбудил Уляшу: детская кроватка рядом, вплотную к изголовью взрослой постели. За широко расставленными прутьями дочка как на ладони — спит и улыбается: чуткая, чувствует мамино ликование.

Набухшая железа заныла... Правая ладонь тянется к груди и массирует тугой шар. На ночной рубашке проступает мокрое белесое пятно. Холодит.

Скинув шелковую одежду, Ника на цыпочках бежит в ванную и там — почти на автопилоте — по ежеутреннему маршруту: унитаз, биде, умывание...

Окончательно просыпается она, встретившись взглядом с физиономией, которая улыбается ей из зеркала над раковиной. Ну-ка, проинспектируем нашу красоту.

Кругла лицом она... И совсем не глупая.

Ямочки на месте...

Линию бровей надо бы подправить...

Может, нос все-таки чуть-чуть раскурносить? Сделать, как у Одри Хепберн, — точеный, с еле заметным прогибом и округлой колумеллой. Сейчас заедет сестрица — не забыть посоветоваться. Профиль пусть посмотрит, анфас-то вполне... Анжелка — дока. И сама разбирается, и знает, кого можно подключить, если понадобится.

Легонько постукивая сомкнутыми указательным и средним пальцами под подбородком, Ника отступает к стене, чтобы лицедреть всю себя, и резюмирует беглую инспекцию: о'кей. Полновата, но не расплывчата, хоть и поднабрала вес. Олегу нравится...

«А если кошка зеленоглаза, то ей не будет ни в чем отказа...» — мурлычет она, пряча под косынку пружинистые рыжие завитки: нельзя, чтобы волосы попали в Уляшин ротик. Проверяет по блокноту, какой грудью кормить, моет правый сосок и голышом — обратно в спальню.

Когда крохотные дочкины губки начинают сосредоточенно и ритмично всасывать молоко, распирающая боль отступает. Облегчение. И Ника, прижав туго запеленутый кулек, осторожно клонится на бок, закидывает правую руку за голову, ложится, а чтобы нечаянно не задремать — еще придавишь малютку! — начинает мысленно объясняться с собственной матушкой.

По-честному, сразу бы надо было ей сказать про переезд Олега.

Навсегда — ко мне. К нам...

Се-го-дня!

Ну нет, теперь уж пусть мать потерпит. А не надо было артачиться! С самого начала. Хм, компромат на Олежку она собрала... Ерунда там какая-то... Я и не вникала, ведь главное — он мне сам сказал, что окольцован. Никакой его вины! Не знал же, что меня встретит!

Ну и пусть: Олежек с дочкой олигарха только в ЗАГСе расписан, а со мной в церковь пойдет!

Так что зря ты раскошеливалась на слежку, моя бедная мамаша...

Правда, сейчас-то я ее понимаю: мне бы тоже не хотелось, чтоб Уляша, когда вырастет, полюбила женатого. Но второго такого, как Олег, не бывает.

Не может быть!

Только увидела его, высокого, широкоплечего... Из моря вышел мой Черномор и, хотя торопился на какие-то переговоры, подвернул к моему одинокому шезлонгу: «Красавица, тут у вас не занято?» Словно само небо посмотрело голубыми глазами... Бицепсы напряг, голосом приласкал — и сердце вскрикнуло: вот он! Словно в награду за то, что попала в универ московский. Не зря последние два года прокорпела над учебниками. Ни с кем не общалась. Да и невелика жертва — одноклассники все такие лохи! С Олегом даже рядом не поставит...

Ну и родителям, конечно, спасибо: после вступительных пятерок по всем предметам купили квартиру в столице, послали отдышаться в Канны... Все по первому классу.

А Олег, он честный... За первым же романтическим ужином (лунная дорожка на море, шампанское в серебряном ведре, цикады стрекохут) признался, опустив голову: «Мы со Светланой — чужие друг другу люди». Прижала бы к себе, да там народу столько... Зато ночью пожалела бедняжку по полной программе. Он бы давно развелся, но тесть... Слишком крутой, блин. И деньги какие-то немеренные, тайные, и власть явная — нерядовой депутат от главной партии. Из мести всю карьеру ломает, а Олежек такой способный — многого может добиться...

Голова Ники дергается от негодования, косынка соскальзывает с волос, и Уляша причмокивает прядь, залезшую ей в рот. Ой! Вдруг волосок проглотит!

Ника вскидывает голову и пристанывает от боли: дочка не выпускает ни прядь, ни сосок. И то, и другое приходится вырывать с силой. Теперь хнычет Уляша.

Правильно, что парикмахершу вызвала на сегодня. Она такой мастер! Пусть меня коротко острижет, под мальчика. Волосы — не зубы, вырастут.

Ада... Ад... Муж эту Аду бросил... Детей хотел, а у нее никак не получалось. Что-то с ней, бедняжкой, стряслось в детстве. Тягостно, конечно, быть рядом со свежим горем, но таких, как она, время лечит.

А я? Я бы без Олежки сразу умерла!

Любуясь успокоившейся дочкой, Ника бегом назад, к своим мыслям. Как это угораздило Олега связаться с такими монстрами, с Бизиевыми этими! Семейка Адамс отдыхает! Следили за зятем... И про меня узнали, и про нашу Уляшу. Развели, когда меня еще даже не тошнило и я только Олегу открылась да Анжелке по секрету сказала. Она же как родная сестра, хоть и троюродная...

И вот эта Светка, которая не детей хотела, а погулять как следует, вдруг тоже забеременела. Подпоила бедного Олежку и залетела... А когда родила, принялась мне угрожать. Сперва в трубку дышала... Она, больше некому. А вчера позвонила и, не называя себя, бабахнула прямо в ухо: «Знаешь, подруга, сколько стоит тебя заказать? Пус-тяк... и ты не дышишь!»

Я сразу догадалась, что это Светка. В первый момент таким ужасом пахнуло от этих слов, от ее ровной, заторможенной интонации... Кокаинистка проклятая!

Не должно быть, не может быть такого в моей жизни!

«Подруга»... Какая она мне подруга! Я ее и живьем-то ни разу не видела. Только в интернете фотографии подсмотрела.

Стандартная блондинка. Еще и крашенная, скорей всего. А Олег рыжих любит!

Плоскогрудая селедка! А у меня и до кормления был четвертый размер.

Откуда у нее номер моего мобильного?

Почему в голову всякая дрянь лезет? Хватит, уже достаточно! Еще молоко пропадет!

Олег сегодня придет с работы, переоденется в домашнее, мы поужинаем с шампанским и клубникой... по-праздничному, как в настоящей семье... и тогда, мамочка, я тебя обрадую. И про Светкин звонок расскажу. Как я не испугалась! Ты удивишься, какая я смелая!

Ой, а куда Олежкину одежду пристроить? Чемоданы-то его уже вот-вот привезут... Нужно, чтобы ему сразу стало тут как дома! Вчера забыла домработнице сказать, придется теперь самой в шкафу пошуровать.

Вернув сонную дочь в кроватку, Ника отходит от нее не сразу — дожидается ровного, спокойного дыхания, крестит воздух над детской головкой и потом, кое-как запахнувшись в махровый халат, принимается за дело.

Жужжит домофон. От неожиданности она бежит к двери в обнимку со стопкой своих кофт. От Олега, наверное, приехали... А может, это Анжела... или парикмахерша...

Подбородком удерживая оживающую грудку одежды, Ника нажимает кнопку, не глядя на экранчик, приотворяет входную дверь и возвращается в спальню. По дороге полы халата расходятся, а длинный рукав

красного кашемирового джемпера выпадает из груди и обвивается вокруг левой ноги. Как будто сигналист: стоп, остановись! Но Ника торопится проверить: дочку не разбудили?

Нет, глазки закрыты, только лобик сморщился... Приснилось что-то?

Из коридора доносится скрежет. Ключ дважды поворачивается в замке. Кто-то дверь изнутри закрывает? Зачем?

Может, это Олег? Сам решил привезти свои вещи!

А я же хотела причесаться-приодеться... Ерундой забивает она себе голову, чтобы заслониться от тревожного предчувствия.

Кто это так стучит по паркету? В сапогах, что ли, ввалились?

Чужие?

Сердце ухает куда-то вниз и не возвращается на место. Хочется схватить Уляшу и — в шкаф. Там как раз уже пусто, мы обе маленькие, поместимся...

— Хозяйка, ты где? — незнакомый голос спрашивает так обыденно, что Ника краснеет за свою трусость.

Трясущимися руками она заводит одну полу халата за другую так, чтобы они полностью закрыли грудь, узлом завязывает пояс на располневшей талии и, словно забинтованная, выходит из спальни, без скрипа прикрыв за собой дверь. Улыбается через силу.

В столовой двое. Незнакомые парни.

Один посреди комнаты склонился над огромным клетчатым баулом, в каких челноки возят туда-сюда оптовые партии китайско-турецкого непотребя. Вынимает оттуда... один кирпич, второй, третий, кладет на ковер... Ой, надо будет завтра сказать Фаине, чтоб пропылесосила!

Другой...

Высокий, сильный, с развитым плечевым поясом. Красавчик. На Олега был бы похож, если б не глаза. Прозрачные, холодные. Спокойно извещают: убью.

Медленно подходит, раздвигает свои руки, а между ними — тонкий плетеный шнур. Шелковый. Белый.

Ноги сами, не спросившись, несут Нику в коридор. Рука поворачивает ключ в замке, раз, два... Плечо еще успевает толкнуть дверь на волю, но голова уже дает отбой бегству.

— Девочку не тронете? — шепотом спрашивает Ника метнувшегося за ней палача.

Тот кивает. И Ника почему-то верит бессловесному, беззвучному обещанию. Эта безумная вера совсем другая — так непохожа на ту, которая промелькнула, когда Олег клялся ей в любви, когда обещал бросить жену и даже когда он назначил день ухода из той семьи.

В успокаивающей тишине Ника прощается с утренним окном, боясь даже мысль свою посылать в сторону Уляши. Не навредить бы... Она покорно наклоняет голову, безропотно позволяет высокому нелюду зайти ей за спину и накинуть на шею белоснежный шнурок. Вставать на колени не понадобилось: подчинившаяся и так ниже своего убийцы почти на полметра. Сумеречное сознание успевает услышать какой-то звонок, радостно встрепенуться: нас спасут...

2. Анжела

То же самое утро букой глядит на Никину кухню, сплюснвившую нос об окно своего флэта на Поварской. Предупреждает? О чем?

На сегодня вроде у Анжелы ничего проблемного не намечено. Дружок-женишок именно сейчас летит из Парижа в Нью-Йорк... На ключевую для его бизнеса экономическую тусовку. Будет пахать, чтобы подкадрить нужных партнеров... Такая сосредоточенность требуется... Все равно что сборы спортсменов перед олимпиадой. Баб не берут. Киношная сказка про бизнесмена Ричарда Гира и красотку Джулию Робертс — конечно, лабуда. На серьезных переговорах точно не до блядок... Такая включенность в дело — все равно что мужской пояс верности... Насчет ревности можно расслабиться.

И по службе долгов нет — в родную газету написала все, что запланировано. Пару статей задолжала прилудному глянцу, но это подождет. Придет время и появится соответствующее настроение — тогда тексты рождаются мгновенно и естественно, без болезненных и чаще всего бессмысленных потуг. Всегда приходит.

Упруго потянувшись, Анжела все же присматривается к наступившему, запланированно-спокойному дню. Если прямо сейчас не прочитаюсь, то вовремя приеду к Нике. До явления парикмахерши успеем всласть наговориться под сестрицын фирменный кофе. Сколько ни повторяла процедуру готовки — ну никак не получается правильная крепость, тот же цвет и запах... Как бабуля говорила: пекла, кажись, пирожки, а вышли покрышки на горшки.

Не отсюда у меня растут руки, — улыбается Анжела своей верной визави, представшей после ласкового душа в запотелом зеркале. Себя она не корит, а лукаво так подхваливает: мол, нам, интеллектуалкам, совсем не обязательно отличиться в домоводстве. Собирай информацию: кто лучше всех делает нужное тебе, где оптимальное соотношение цены, качества и приятности для общения — и зарабатывай деньги на топовых специалистов. Мне — только первоклассное!